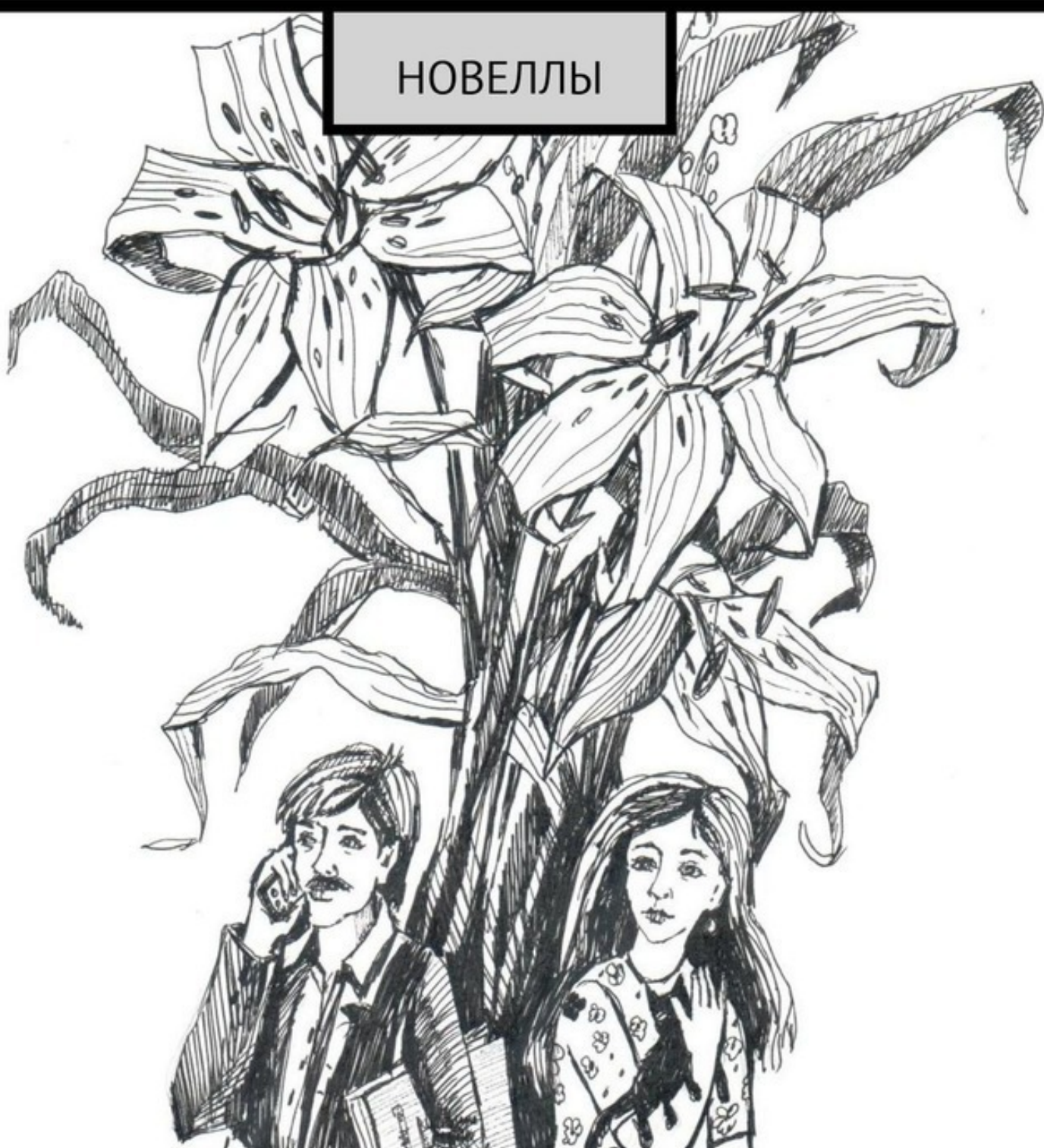

ОЛЬГА МИЛОВАНОВА

БЕД НЕТ

НОВЕЛЛЫ

Ольга Милованова

Бед нет. Новеллы

«Издательские решения»

Милованова О.

Бед нет. Новеллы / О. Милованова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500098-9

Новеллы сборника «Бед нет» — это лирические истории о людях, живущих сегодня рядом с нами. Они такие разные. Но их объединяет одно — все они ищут и находят свой путь в жизни, обретая гармонию.

ISBN 978-5-00-500098-9

© Милованова О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
БЕД НЕТ	7
ТАНЬКА	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Бед нет Новеллы

Ольга Милованова

Редактор Валерий Леонидович Михайловский

Иллюстратор Ольга Алексеевна Бурова

© Ольга Милованова, 2019

© Ольга Алексеевна Бурова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-0098-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЫРАЖАЮ ИСКРЕННИЮ БЛАГОДАРНОСТЬ

Фариду Нагиму, члену Союза писателей России, который побудил меня к написанию этой книги

Валерию Михайловскому, члену Союза писателей России, который отнёсся к моему творчеству с искренним вниманием и редактировал тексты

Ольге Буровой, члену Союза художников России за прекрасные прочувствованные иллюстрации

Игорю Ширманову, члену Союза писателей России – моему вдохновителю и первому читателю

И всем, кто поверил в меня и поддержал

Предисловие

Какая сила принуждает человека тянуться к перу; зачем изливает душу на суд толпы, наперёд зная, что не только похвалу заслужит, но и, возможно, хулу накличет в свой адрес? А ЧТО перевесит, ещё никто не знает. Вдвойне дивишься, когда писательством вдруг решил заняться человек вполне состоявшийся в иной ипостаси; зрелый, со своими устоявшимися воззрениями, предпочтениями и привычками, если хотите. Я, пока не находя подходящего случаю эквивалентного сравнения, вспомнил известного советского писателя Ивана Афанасьевича Васильева. Как-то по этому поводу он высказывался, и меня тогда зацепило. Нашёл двухтомник. Вот, что он сказал: «Читатели меня спрашивают, как, мол, так случилось, что до пятидесяти тебя, как писателя не существовало, а в пятьдесят вдруг объявился. Никаким писателем я не собирался становиться. И не верю тем, которые говорят, что они чуть ли не с детства решили заняться писательством. Это позёрство. Хотя бы потому, что писательство не есть дело, оно всего лишь топор в руках мужика, который ставит дом».

Почувствовав силу во владении «топором», человек мечтает «поставить дом». Не всегда обстоятельства способствуют началу строительства. Но вот всё совпало: есть жизненный опыт, много прочитанных книг; пытливый творческий ум; преподавательский опыт, предполагающий оттачивать речь (язык); и еще одно обстоятельство: в прошлом году Ольга Милованова поучаствовала в семинаре начинающих писателей, которым руководил замечательный прозаик Фарит Нагимов, преподаватель литературного института. Напутствия мастера, что называется, вдохновили, вселили веру в себя.

И вот перо уже в руке, вот перед нею чистый лист... Бессонные ночи, беспмятные дни, как бывает у одержимого какой-то идеей человека. Итог: первый рассказ «Когда плачут мужчины» переправлен мне электронной почтой. Прочитал на одном дыхании. Меня не покидало ощущение, что это уже зрелый писатель, только творил торопливо и текст требовал незначительного «причёсывания». Следом пришел еще рассказ, потом ещё...

Будучи знаком с автором лично, я отметил, что в целом, за некоторыми исключениями, идеологически и по нравственным критериям, точка зрения автора и его персонажей где-то схожи, хотя и нельзя их абсолютизировать. Автор искренен так, что хочется прикрыть его душу от неизбежных сквозняков. Слово ложится ровно, по месту, мастерски, возбуждая волну сопереживания и участия, а значит возникшего интереса к происходящему. Начав читать рассказ, остановиться уже невозможно. Чувствуется, что автор – творец произведения, где содержание и форма сливаются в единое целое. Не каждому автору дано так умело держать читателя. И я поймал себя на мысли, что первые венцы уложены прочно, и дом, надеюсь, получится прочным.

Я давно уже не помню такого примера, когда начинающий писатель так стремительно набирал обороты. От первого опыта до сего дня прошло чуть больше месяца, а в активе Ольги Миловановой уже несколько рассказов, которые могут составить основу первого сборника. Так бывает, когда огромной силы энергия, вдруг нашла выход, нашла свой направленный на созидание вектор. Что-то позвало эту добрую энергию, почему-то случился этот направленный и, надеюсь, контролируемый взрыв. Почему так случилось? Вновь обратимся к Ивану Васильеву: «Если жизнь потребовала от тебя что-то сделать, ты просто находишь в своём инструментальном ящике перо, положенное туда природой, и этим инструментом, как наиболее тебе сподручным, делаешь дело, продиктованной жизнью».

Хочется сказать автору: в добрый путь!

*Валерий Михайловский,
член Союза писателей России*

БЕД НЕТ

I

Инга как обычно сидела за своим столом и деловито-устало поглядывая на экран монитора. Пальцы бойко клацали клавиатурой, производя ровный ряд букв и цифр. Последний день рабочей недели набирал обороты. Завтра начнутся длинные выходные.

Виски потихоньку сдавливала тупая боль. Инга уже хорошо знала, что скоро она охватит обручем всю голову. Молодая женщина подняла глаза. За окном ветер носил остатки листьев и обрывки бумаги. Низкие облака набухли влагой, и невозможно было определить, чем они сегодня разродятся – дождем или снегом.

– Понятно, упало давление и голове болеть, – обречённо подумала Инга. Но тут она почувствовала еще один пока едва уловимый раздражитель. По офису плыл запах. Он не был неприятным, даже немного пряным, но это были они – ЛИЛИИ. Их одуряющий аромат Инга могла отличить в любом состоянии. Она осторожно встала, чтобы не расплескать боль в голове, и пошла искать своих мучителей.

Нос привел к кабинету главной. На столе в большой синей с позолотой вазе стояли нежные бело-розовые цветы. Хозяйка, Бэлза Шакировна – зрелая крупная женщина – выглядела привычно нелепо в полном наборе своего золотого запаса. В ушах красовались дорогие серьги с внушительными камнями. На объемном бюсте горделиво возлежали несколько рядов цепочек. На самой толстой из них висел огромный, величиной с Ингин кулак, скарабей. Разномастные перстни теснились на каждом пальце. «Жизнь удалась», – выпирало из каждой складочки ее дорогого костюма.

– Та-а-ак, дверь не закрыть, – с тоской рассудила Инга: С этим придется сидеть до вечера. И если от низкого давления хоть немного помогал крепкий кофе или на самый крайний случай таблетка, то запах лилий был враг непобедимый, или лучше сказать, неустрашимый. Голове болеть теперь не один день.

Инга отправилась в туалет, надеясь постоять у открытого окна и хоть немного продышаться, но в коридоре наткнулась на Алку. Сокурсница, а теперь и сослуживица считала себя Ингиной лучшей подругой. Впрочем, таких лучших подруг у нее было несколько десятков. Алки хватало на всех. Она была искренняя, щедрая и незлобивая, но один недостаток раздражал Ингу – Алка знала всё. В её умной голове загадочно перемешивались статьи из соцсетей, мнения звезд реалитишоу, откровения экстрасенсов и уфологов, обеденные разговоры коллег, ее собственные умозаключения. А самым неприятным было то, что Алка всем этим активно делилась. Информация быстро разлеталась по офису и возвращалась к виновнице всеобщих переживаний изрядно разукрашенной и подновленной. Впрочем, Алка была не одинока в своей страсти. Клубок друзей – коллектив офиса – жаждал развлечений.

Вот с кем Инге совсем не хотелось говорить сейчас. Делиться с подругой, а значит и со всем коллективом, своей болью пока не входило в ее планы.

Но проблемы на этот раз не возникло. Алка уже была наполнена информацией и в новой пока не нуждалась. Инге всё же пришлось узнать об очередном поклоннике молоденькой машинистки, что сулят звезды сегодня Девам, дежурном заскоке Шакировны, грандиозных планах на выходные алкиной семьи. Поскольку аборт, разводов и наводнений с ветром, к счастью, не случились в их маленьком мирке, монолог Алки не был длинным.

Добравшись, наконец, до окна, Инга жадно вдохнула влажный холодный воздух. Но боль не уходила. Ветер, ворвавшийся в узкий проем, казалось, размазал её по всему телу. В ответ поднималась волна рыданий. Инга крепко прижала руку ко рту, чтобы не дать им вырваться наружу.

Андрей появился в ее жизни почти семь лет назад. Симпатичный мужчина ловко подхватил ее тяжеленную сумку с домашними соленьями, которую она тащила от мамы. Дома услужливого кавалера пришлось напоить чаем. Под чай она слушала его мягкий обволакивающий баритон и разглядывала нового знакомца. Немного старше её, и это хорошо. Он вкусно ел и пил, держась спокойно и уверенно. Мягкие вьющиеся волосы падали ему на глаза – «чистые и честные, как у лжесвидетеля» (Инга часто пользовалась цитатами из любимых книг, фильмов или песен). Андрей убирал настырную чёлку привычно-небрежным движением растопыренной пятерни. И Инга рассмотрела его руки – изящно очерченные длинные пальцы с аккуратными гладкими ногтями. Обаяние красивых и ухоженных мужских рук обладало для неё волшебной притягательностью.

– Это мой мужчина, – подумала тогда Инга.

И всё оказалось просто, без сомнений и мучительных переживаний. Они практически сразу стали жить вместе, легко деля быт. Оба приняли привычки и увлечения друг друга, а круг друзей сразу стал общим.

Первый раз Андрей исчез года через полтора, вышел днем за хлебом и вернулся под утро. На звонки ответил СМС-кой: «Спи, скоро буду». За завтраком он был мил и обходителен, как всегда. На ее упреки, рассказал, что неожиданно встретил армейского друга, и они зависли, ну, ты понимаешь. Она поняла. И потом много лет понимала, когда неожиданно приезжали сокурсники, требовалась помощь товарищу, завязался с прохожим интересный разговор о загадках вселенной... Сомнения, если они приходили, Инга гнала прочь. Любимый показывал ей на своем телефоне фото с корпоративов, куда не брали вторые половинки. Он едко хохмил по поводу моральных качеств коллег и жаловался, что ему приходится посещать эти

убогие мероприятия. Действительно, снимки были иногда даже слишком откровенными. И ни разу на них не промелькнуло лицо Андрея.

Сказка закончилась, в тот не прекрасный день, когда в соцсетях к ней постучалась милонидная брюнетка и скинула свои фотографии с тех самых корпоративов. Закрывать глаза и уши больше не имело смысла. Тем более что брюнетка не была так доверчива как Инга. Она провела мониторинг странички Андрея и быстро убедилась, что они делят любимого не только вдвоем. Ревнивая любовница решила проинформировать обманутую жену. Но Инга не оценила ее женской солидарности и от предложения встретиться и разработать план мести этому козлу, твердо уклонилась. С каким-то мазохистским удовольствием она просмотрела все профили соперниц, погружаясь в их мир, интересы и окружение. Каждый раз Инга старалась понять, чем они привлекли Андрея.

Себя она не считала красавицей. Объективно, у нее были неплохие волосы, хорошая гладкая кожа. За квадратную, с весьма лёгким намеком на талию фигуру, к тому же склонную к полноте, приходилось ежедневно бороться. Но и здесь Инга счастливо превосходила многих своих подруг. Ей часто давали меньше лет, чем удалось прожить. И это радовало. Но ведь молодых прекрасных женщин вокруг было очень много, и с каждым годом всё новые молодые-красивые пополняли их ряды. Воевать с этим многоголовым монстром не было ни сил, ни смысла, ни желания.

Услужливо начали всплывать воспоминания. Вот эту хорошенькую блондинку, Инга видела у Андрея в офисе. А пышная брюнетка сидела за соседним столиком в кафе. Он тогда внезапно поехал вечером поддержать давнего друга (ты его не знаешь), от которого ушла жена. Девушка с коротким бобриком волос жила в их районе. Они не были знакомы, но иногда пересекались в магазине...

Инга устала. Сердце рвалось на части, а мозг отстраненно анализировал и выдавал все новые совпадения и открытия. Самое ужасное, что даже плакать не было сил. Решительно удалив свой профиль из соцсетей, она задумалась. Что теперь делать?

Её жизнь плотно переплелась с жизнью Андрея. Она привыкла полагаться на его мнение, доверяла ему, была уверена в его присутствии, да и тело отзывалось нежностью только на его руки. Ей иногда казалось, что она выросла с мечтами именно о нём. Она представляла себя с Андреем как бы сшитыми невидимыми нитками. Пока оба рядом, путы не мешают и не сковывают движения. Но как только они разделятся, прочные нити натянутся, вызывая физическую боль. Порвать их? Как жить с растерзанной душой?

Инга дождалась Андрея и почти спокойно, только иногда дрожал голос, рассказала о своем открытии. Андрей выбрал тактику нападения. Как она могла «моя жена, мать моих детей» подумать о нем такое!!! На самом деле они не регистрировали своих отношений. Андрей не предлагал, а Ингу и так всё устраивало. Так же было и с детьми.

Он был так прекрасно убедителен в своем вранье, что хотелось воскликнуть: «Верю!» Что она и сделала. Обильные слезы, родной запах, любимые руки и нежные губы закрепили примирение. Инга, как ей тогда казалось, навсегда закрыла для себя эту тему, и они стали жить дальше.

Надо отдать ему должное, Андрей больше не исчезал на ночь, тем более на несколько дней, перестал ездить на корпоративы. Максимум, он задерживался с работы, объясняясь авралом. И действительно, он начал расти по службе, а их финансовые дела так выправились, что появился даже заметный достаток.

А однажды Андрей и вовсе поразил её – сделал предложение руки и сердца. С большим букетом лилий он приехал к офису Инги и, встав на правое колено, на виду у любопытствующих попросил стать его женой. Алка потом неделю крутилась вокруг Инги, выведывая лакомые подробности. А, когда была вежливо отшита, ненадолго обиделась на «лучшую» подругу.

Свадьбы не было. Смешно устраивать дорогое развлечение для друзей и родственников, когда уже больше пяти лет живете вместе. Они просто зарегистрировались и укатили в отпуск. Единственное, что она позволила себе – надеть фату при погружении около кораллового рифа. Такой Инга и осталась на свадебных фотографиях – в маске, с трубкой и плывущей за ней фатой.

Жизнь продолжалась в своих неурядицах и привычном мельтешении. Они даже поговорили о детях. Решили, что спешить не будут, но если случится, значит, так тому и быть. Ещё Инга наконец-то призналась мужу, что не выносит запаха лилий и любит их только в нарисованном виде или за толстым стеклом витрины цветочного киоска. Андрей долго смеялся её неожиданной деликатности и твердо обещал ни за что и никогда больше не дарить любимой цветы... лилии.

Жизнь оборвалась позавчера. Андрей подхватил мусорный пакет, отправился на улицу и... не вернулся. Телефон не отвечал, машины на стоянке не было. Через час Инга несколько раз обошла мусорные баки. Через два она уже знала, что в милицию, больницы и морг описываемый мужчина не поступал. Оставалось только ждать. Мысль о том, что Андрей взялся за старое, даже не приходила к ней. Но утром Инга позвонила мужу на работу и попросила его к телефону. Когда услышала в трубке родной голос, тихонько, чтобы не выдать себя накрывшими рыданиями, положила трубку. Он не вернулся ни вечером, ни утром сегодняшнего дня.

Инга вытерла глаза, закрыла окно и пошла к себе. Она старательно загрузила себя работой, чтобы не оставить места для мучительных размышлений, которые неизбежно приводили к слезам. Такой радости она этому серпентарию друзей не доставит. Надо любой ценой донести свое горе до дома.

А день тянулся и тянулся. Бэлза несколько раз проплывала мимо ее стола, кажется, навсегда слившись в сознании у Инги с вонью лилий.

II

Наконец, и это прошло.

Инга вышла на улицу, ее охватила промозглая слякоть. Но после духоты офиса, это казалось почти счастьем. Раскрыв зонт, она поспешила на остановку маршрутки. Предстояло еще забрать из сервиса машину и заехать в банк.

Как давно она не ездила на общественном транспорте. Её чувствительный нос сразу был атакован адской смесью немых тел, автомобильных дезодорантов и дорогих духов. Враждебная теснота сомкнулась вокруг Инги, и её придавило к спинке сидения, на котором громко щебетали молоденькие девушки. «Предста-авля-а-ешь», – манерно приговаривали юные создания после каждой фразы.

– У них предложения без этого не склеиваются, – пришло в голову Инге: Хорошо, что хоть не матерятся.

Информация, которую насильно вталкивали в уши, не поражала оригинальностью. Всё крутилось вокруг молодого человека – одноклассника девиц. Он, то ли хотел дружить с одной из них, то ли с другой. Инга язвительно подумала, что жертва интриги, скорее всего, даже не подозревает о своих желаниях и намерениях. Она прикрыла глаза, чтоб хотя бы визуально отгородиться от раздражающей парочки.

Маршрутка шла своим привычным маршрутом. Люди понемногу выходили, и в салоне стало заметно просторнее. Инга продолжала стоять, потому что единственное свободное сидение было с краю у самого входа. Всё равно придется вставать. Она всегда уступала место в транспорте, но не потому, что была такая заботливая. Ей просто было некомфортно сидеть, когда рядом стояли те, кому следовало уступить.

В салон зашла возрастная дама, назвать ее старушкой не повернулся бы язык. Опрятная, одетая с заявкой на элегантность. Лёгкий пух на голове был тщательно уложен аккуратными голубоватыми букольками. Инга пододвинулась, чтобы та увидела свободное сидение. Но дама обиженно сказала, что она всегда стоит в транспорте.

Инга отвернулась и уставилась в окно. Если бы её в этот момент спросили, о чем она думает, она ответила бы: «Ни о чем». На самом деле мысли роились в её голове, набегая одна на другую, так, что поймать и сформулировать хотя бы одну из них не представляло никакой возможности. Как из-под воды она услышала настойчивый голос. Инга вынырнула из своих размышлений и поняла, что дама чём-то очень недовольна.

– Пораспускали свои патлы! – выхватила она из злобной тирады и поняла, что всё это относится именно к ней. Инга давно уже переросла в себе то состояние, когда неожиданное хамство поражало её и лишало дара речи. Она повернулась к пожилой женщине и очень вежливо произнесла:

– Не переживайте так, мне тоже будет семьдесят и у меня тоже вылезут мои прекрасные волосы.

Дама захлебнулась от наглости и набрала воздух, чтобы достойно пригвоздить молодую нахалку. Но Инга опередила её:

– И вам всего самого хорошего!

Дама была оскорблена до глубины души. Она еще что-то бурчала про мораль, нравственность и невоспитанную молодежь. На что Инга согласно протягивала:

– Конечеченно!

Привычный сценарий скандала был окончательно сломан. Жертва, кажется, соглашалась с претензиями, но при этом совершенно очевидным было её издевательство над достойной женщиной. Дама спешно покинула маршрутку. А Инга до своей остановки вновь погрузилась в своё «ни о чём».

Машина была готова. Надежная подружка блестела отполированными боками, бодро подмигивала фарами и улыбалась хромированным радиатором. Мастер – молодой улыбчивый парень – нахваливал машину и подробно рассказывал о проделанной работе. Инга не была полной курицей по технической части. Но она слушала парня так, как будто тот разговаривал на иностранном языке, а она понимала только отдельные слова. Надев на лицо заинтересованное внимание, Инга согласно кивала местному «кулибину». Наконец, она узнала цену вдохновенного монолога мастера и пошла в контору расплатиться. Когда она вышла, машина уже была выгнана во двор мастерской. Парень отдал ей ключи, но не спешил уходить.

– А вы сегодня свободны? – без наглости спросил он: Посидим где-нибудь. Меня Сергеем зовут, а вас?

Инга, как будто споткнулась от неожиданности. Вот именно сегодня она совершенно не горела желанием с кем-нибудь заигрывать и флиртовать. Да и парень был минимум лет на пятнадцать ее младше. Уже одно это делало подобный разговор для Инги просто бессмысленным. Но огрызаться на проявленный интерес и обижать его не хотелось.

– Молодой человек, я намного старше вас, и потом, я замужем, – спокойно ответила она.

– Возраст – это фигня! Знаете, какие молодые девки дуры! С ними же поговорить не о чем!

– Нет.

– А ваш муж уже, наверное, старый, ничего не может. А я молодой, сильный!

– Нет.

– Девки сейчас все на одно лицо, как куклы!

– Женщина с возрастом только лучше!

– Вы себе цену не знаете!

Инга больше не отвечала, она только отрицательно мотала головой, усаживаясь в машину. Последнее, что она услышала, захлопывая дверь:

– Передумайте, пожалуйста, и возвращайтесь!

Она отъехала немного, остановилась на светофоре и взглянула в зеркало. Судорожно сдвинутые брови, отёкшие веки, синева под глазами и потухший взгляд.

– Да-а-а... – саркастически подумала она, – Красота – страшная сила! Такой и убить можно.

Инга уже не раз слышала о романах её ровесниц с молодыми людьми, лет 20—25, которых называла – четвертачки. Она понимала обе стороны. Женщинам, достигшим самого расцвета своего либидо, хотелось силы и страсти юного мужского тела. А парни приобретали в одном лице и подругу и мамку. Мамка обладала ещё сладким и манящим телом, но при этом не донимала любовника пустыми истериками и придирками. Да и к этому возрасту, как правило, женщины уже стояли на своих ногах, имея возможность не только содержать четвертачка, но и дать ему хороший старт в жизнь.

Но эта сказка была не про нее. Самым сексуальным в мужчине Инга всегда считала мозг. Разговоры, умные, добрые, с легкой пикировкой и иронией, – таким был путь к ее сердцу. А о чем беседовать с этим мальчишкой, она просто не знала. Да и тоски по молодому мясу вообще не испытывала.

Неожиданно она улыбнулась своим мыслям. При всей своей нелепости ситуация не показалась ей оскорбительной. Мужчина проявил к ней интерес, чем бы он ни был вызван. Настроение немного улучшилось, Инга ещё раз потянулась к зеркалу. Так гораздо лучше. Даже показалось, что боль в голове немного ослабила свою хватку.

Наконец-то, зажёгся зеленый, и её машина влилась в светящуюся и гудящую автомобильную реку.

Народа в банке было не очень много для пятничного вечера.

– Посижу, – решила Инга и опустилась на диванчик. Электронная очередь двигалась неторопливо. Инга огляделась. Молодая пара влюблено перешептывалась в углу. Старик глубоко задумался, опершись подбородком в резную рукоятку трости. Женщина неопределенного возраста сидела с безучастным лицом. В понедельник с утра ей было явно лет на пять меньше, чем сегодня. Но суета дня сложилась с суетой недели, да и отпуск был, скорее всего, уже очень давно.

– Я, наверное, выгляжу так же, – с горечью отметила про себя Инга: Неудивительно, что Андрей ищет задорные глаза и заразительный смех.

Она отвернулась и приготовилась погрузиться в свои невеселые размышления, но тут встретила глазами с упитанным мальчиком лет двух. Молодая мать сняла с него шапочку и отправила осваивать мир.

Влажные, прилипшие ко лбу светлые волосы, пытливые глаза, рот, готовый к улыбке. Он увидел её...

Инга никогда не могла объяснить этого логически. Но если в одном помещении с ней оказывались маленькие дети, то они тут же шли или ползли к Инге. Она никогда не была любительницей младенцев, не жаждала брать их на руки или покатавать в коляске, не сюсюкала и не умилялась. Когда подруги всучивали ей своих наследников, ни один из них, ни разу не успел на нее напрудить. Она всегда успевала вернуть мелкого мамаше и этим всерьёз гордилась. Инга, впрочем, не разделяла и модные идеи чайлдфри. В принципе она уже была готова получить орущее чадо в полную собственность. Но чужие младенцы вызывали у неё только досаду.

Карапуз об этом не знал и нетвердо, но целенаправленно двинулся к Инге. Мамашка же незамедлительно уткнулась в телефон.

– Ну, и что? – серьезно спросила Инга малыша. У нее не было ни малейшего желания развлекать чужого ребенка. Голова болела по-прежнему. Она хотела только одного – добраться до дома и закрыться на все замки и маленький крючок.

Но малыш счастливо расплылся и настроился на приятное общение.

– Чего ты пришёл?

Мелкий что-то глубокомысленно изрёк на своём тарабарском языке и затопал маленькими ножками.

– А я тебя не звала, – уже сурово сказала Инга. Мальчик остановился и удивлённо посмотрел на нее. Эмоции на его лице читались, как в индийском кино. Едва видные бровки задрались, глаза широко раскрылись, а пухлые губки сложились в почти идеальный круг. Вид у него был до того забавный, что Инга невольно усмехнулась. Малыш мгновенно переключился и заливисто рассмеялся. Его неожиданный смех рассыпался по помещению. Влюбленная парочка очнулась от дурмана и недоуменно огляделась. Старик хмыкнул и разогнул согбенную спину. Женщина вынырнула из своего небытия, улыбнулась и на глазах помолодела. Усталые операционисты подняли головы. Молодая мать оторвалась от телефона, встала и забрала малыша. Тот победно восседал на её руках и дарил свой звонкий смех всем вокруг.

Инге вдруг показалось, что карусель её жизни на мгновение приостановилась, давая возможность оглянуться вокруг, посмотреть в глаза стоящему рядом. А рядом были те же дети, только старые и уставшие.

А ведь это настоящий дар – радоваться жизни просто так, без повода и причин. И этим даром мы все владеем от рождения, – думала Инга, – Это наш Эдем. Когда и где мы его теряем, соблазненные взрослыми играми.

Завершив свои дела в банке, Инга направилась к припаркованной машине. Ветер становился всё холоднее и пронизывал насквозь. Скорее внутрь, включить подогрев сидений и расслабиться в заботливой теплоте и уюте.

Включив зажигание, она подняла глаза, чтобы посмотреть в зеркало заднего вида. Прямо за машиной проходила неопрятная женщина.

– Алкашка, – поставила клеймо Инга.

Женщина осторожно переставляла ноги в ядовито-розовых сланцах и бережно держала живот рукой.

– Обувь в самый раз по погоде.

В Инге уже поднималось раздражение от медлительности и неповоротливости пьянчужки. Она с брезгливостью рассматривала грязную разномастную одежду, опухшее лицо и спутанные лохмы. Дама же, казалось, никуда не спешила. Она остановилась прямо за её машиной, а потом ещё и упала под задний бампер.

– Этого не хватало!

Ингу заполнили досада и злость. Она вышла из машины и наклонилась над лежащей женщиной, та скорчилась на асфальте, тяжело постанывая.

– Эй, ты! Встать можешь?

Инга присела около неё, стараясь не вдыхать тяжелое амбре перегара и немытого тела.

– Что случилось? Скорую вызвать? – громко и отчётливо спросила Инга.

Женщина баюкала свой живот и что-то несвязно пробормотала.

Вызывать Скорую не имело смысла. Ждать её по вечерним пятничным пробкам пришлось бы очень долго. Да и объяснять диспетчеру о том, что она не знает ни имени, ни адреса пострадавшей Инге совсем не хотелось. Она знала, как не любят врачи Скорой такие вызовы.

Инга попыталась приподнять женщину, та застонала и приоткрыла глаза.

– Встаем и идем в машину, – грубо скомандовала Инга.

Женщина стала слабо опираться руками, чтобы встать. Общими усилиями они кое-как добрались до машины. Ввалив тяжелое обмякшее тело на заднее сидение, Инга захлопнула дверцу и уселась за руль.

Перед тем как двинуться она посмотрела назад на свою неприятную пассажирку. Та сидела с открытыми глазами и почти осмысленно разглядывала Ингу. Лёгкая тень пробежала по её лицу, и женщина вновь погрузилась в свое пьяное и мучительное забытьё.

Инга ещё раз глянула на заднее сиденье.

– Придется потом мыть машину, – недовольно подумала она. Но тут что-то кольнуло её.
– А ведь я её знаю, – неожиданно пришло в голову.

Откуда? Мысли завертелись, выхватывая из памяти лица. Но всё это было не то. Инга даже не могла ехать дальше – казалось, что-то очень важное сейчас ускользает от неё. Но всплыло имя – Ника. И тут же проступили черты одноклассницы.

Вероника! Она была хороша юной красотой, как многие из них. Но родители Ники работали в торговле и в условиях тотального дефицита умудрялись обеспечивать её редкими по тем временам вещами. Пацаны вились вокруг модно одетой весёлой чувихи. Девчонки же тихо завидовали. Сама Ника никогда не задирала нос, поэтому бойкотов ей не устраивали. А её подружки даже получали доступ к вожделенным шмоткам.

Инга не входила в ближний круг, но никогда и не конфликтовала с Никой. После школы их дороги разошлись. Инга двинулась в институт грызть гранит науки, а Ника пошла по стопам родителей. Но страна резко изменилась, и её профессия потеряла ореол всевластия. Товары и продукты стали доступными для всех имеющих деньги.

Молва доносила, что Ника несколько раз выходила замуж. На первом или втором муже Инга даже встречала её в общей компании. Но жизнь шла своим порядком, и одноклассница растворилась в буднях и редких праздниках.

Когда и как Ника дошла до такого безобразия, Инга не знала, да и знать не хотела. «Каждый выбирает для себя». Она жалела только маленьких детей, которые в принципе не могли сами решать за себя. Все остальные сами выбирали свой путь. За эту позицию мама называла её бессердечной. И она тоже имела на это правом, как и Инга имела право быть твёрдой в своих убеждениях.

Инга направилась к ближайшей больнице. Мрачные злые мысли крутились в голове. К сидящей на заднем сидении она не испытывала ни жалости, ни сострадания.

В приемном покое их встретили вообще враждебно. Пожилая медсестра проворчала:

– И зачем ты её сюда привезла?

– А мне надо было её на дороге оставить? – закипала понемногу Инга.

– Кто она тебе?

– Никто, она около моей машины упала.

– Тебе что, больше всех надо?

– Позовите врача, – уже жёстко отрезала Инга.

– У врачей только и дел, как всяких синяков осматривать!

Тут Инга просто взорвалась, в висках с новой силой запульсировала боль. Вся несладность этого дня, да и всей её жизни будто воплотились в этой даже не злой, но профессионально циничной женщине.

– Говорите мне вы! А она человек! И она нуждается в помощи! – звенящим шёпотом процедила сквозь зубы Инга.

Тут подошёл дежурный врач. Он также не был доволен пациенткой, но спокойно распорядился. Медсестре было велено отвести немного оклемавшуюся женщину в смотровую. А Инге – записать свои данные и всё, что она знала.

Ника уходя, бросила на Ингу виновато-ищущий взгляд благодарной собаки, ожидая только знака, чтобы броситься к ней. Но та отвела глаза.

Покончив с этим неприятным делом, Инга уселась в машину. Она помассировала виски, чтобы хоть немного утихомирить разыгравшуюся мигрень, потом осторожно всем корпусом обернулась на заднее сиденье.

– А ведь она меня узнала, – с горечью подумала Инга.

Ей вдруг стало непереносимо стыдно – она испугалась признаться, что знает эту алкашку, как будто их прошедшая общая юность могла бросить тень на её благополучное настоящее.

А такое ли благополучное её настоящее? Да, она живёт в уютном, предсказуемом мире, где есть успех, карьера, достойное окружение. В нём умные книги, прекрасная музыка и тонкие разговоры. Но в этом мире всё так прилизанно прилично, что часто совершенно невозможно определить, что сказали тебе: изящный комплимент или изошрённое оскорбление. Человек, улыбающийся тебе при встрече, искренне тебе рад, или доволен подставой, которую искусно устроил для тебя.

А в сегодняшнем мире Ники всё просто и без затей. Если любят, то целуют, если нет – посылают ко всем чертям с недостойными матерями. Их дом везде и нигде, они никому ничего не должны. Они живут так, как получается, а не так как хотелось бы окружающим. Они представляют собой именно то, чем являются, не маскируясь и не притворяясь. Возможно, они даже в чём-то счастливее нас, по крайней мере, честнее.

III

Машина мягко подкатилась к подъезду. Но покидать салон не хотелось. И это было не просто нежелание выходить в дождливую мглу холодного вечера, Инга чётко осознала, что просто боится идти домой. Заботы, окружающие люди весь день держали её на поверхности горя, не давая уйти в него с головой. Надо было срочно придумать что-нибудь, чтобы ещё оттянуть неизбежное.

Магазин манил своими огнями из темноты. Инга пошла на свет. После сырости улицы здесь приятно пахло свежим хлебом и запечённой курицей. Она медленно двигалась вдоль полок, тщательно выбирая и складывая в корзину всё, что может ей понадобиться. Выходить в выходной из дома уже не хотелось. Пробив на кассе покупки, Инга, не спеша, сложила их в пакет. Задерживаться дольше уже не было никаких причин.

Инга вышла из дверей магазина и раскрыла зонт. Сначала она услышала, а только потом увидела черного котёнка, жалобно мяукавшего у крыльца. Его маленькое тельце нетвердо держалось на тоненьких лапках.

– Ну, куда я тебя возьму? – расстроилась Инга. Она очень любила кошек, а уж к чёрным особенно не ровно дышала. Но дома уже жила кошка – пушистая чёрная королева была преклонных лет, и характер имела превредный.

Инга решительно двинулась вперед, стараясь не слушать жалобные звуки. Но вдруг ей в спину среди обычного мяуканья совершенно чётко и пронзительно прозвучало: «Мама!»

Этого Инга просто не смогла перенести. Она быстро вернулась, поставила пакет на землю, подхватила котёнка и посадила себе на плечо. Пушистый комочек мгновенно затих, непостижимым образом осознав, что сегодня в лотерее жизни он вытянул свой счастливый билет.

Так в одной руке с зонтом, в другой – с раздутым пакетом и с абсолютно довольным котейкой на плече она и ввалилась в свою квартиру.

Где-то в самой затаённой глубине своего сердца она всё-таки ждала и надеялась, что Андрей дома. Но чуда не случилось. Её встретила одинокая темнота. Но пока на осознание этого не было времени.

Кошка ожидаемо вздыбила спину, распушилась и угрожающе утробно зарычала, выражая свое полное неудовольствие чужаком. Но Инге было не до её королевского «фи». Она разглядывала найдёныша. Шёрстка у малыша была редкая, тонкий крысиный хвостик, животик раздут, как у рахитика, а на шее явственно была видна вытертость, как будто его таскали на веревке. Но самое неприятное было то, что среди его небогатой шёрстки ползали блохи. Это и определило дальнейшие действия.

Инга пошла в ванную, набрала в тазик теплой воды и откопала в шкафике, бог знает с каких времён дожидавшееся своего часа мыло от насекомых. Котёнок совершенно спокойно перенёс экзекуцию, доверившись своей спасительнице. Чуть позже он уже накормленный и укутанный в махровое полотенце, на полную мощь включил свою мурлыкалку.

Инга смотрела на своё новоприобретённое чудо и размышляла над именем для него. Чёрную красавицу звали торжественно и звучно – Нефертити. Правда, в порыве особенного неудовольствия некоролевским поведением, Инга сбивала спесь с красавицы, обзывая её вульгарно – Титькой. Имя нового жильца должно быть под стать.

– Назову тебя Цезарем, или «Царь. Просто Царь» – решила Инга и улыбнулась. Сейчас было очень трудно представить, что этот хилый комочек когда-нибудь оправдает свое благородное имя.

Пакет был разобран, кошка обиженно наблюдала издали за довольным нахалом, Инга уселась на диван с чашкой горячего чая. Пришло время дать себе волю и без помех погрузиться в горе. Но сдерживаемые весь день рыдания, почему-то не возвращались к ней. Боль не ушла, но стала чуть более тупой и переносимой.

– Что же теперь будет?

– Как она теперь встретит Андрея, когда он вернется? Если он вернется?

– Как жить дальше?

Вопросы вертелись в её голове. Ответов не было.

«Я подумаю об этом завтра», – любимая фраза и на этот раз вытащила её из затягивающей круговерти горестных мыслей.

Инга была твёрдо уверена, что порядок в доме напрямую связан с порядком в душе. Беспорядок мучил её почти физически, а процесс уборки был сродни обретению гармонии.

Инга открыла шкаф забитый документами, альбомами с фотографиями, старыми открытками и сувенирами. Всем этим уже давно пора было заняться.

Она вытащила кипу документов, разложила их на полу и начала внимательно сортировать. Что-то уже потеряло свою актуальность и отправлялось на выброс. Другие документы надо было распределить по назначениям. Бумаги мужа она машинально откладывала в отдельную стопку. Осознав это, она неожиданно спокойно и логично объяснила себе, что так даже удобнее. Вот её папка, а вот – его.

Под документами обнаружился старый альбом с фотографиями. Инга уже много лет не заглядывала в него. Она не любила свои детские фото. Полненькая недовольная девочка вызывала воспоминания о жестоких переживаниях от своей некрасивости и несоответствия идеалам. В книжках, которые она читала, все девочки были худенькими, голенастыми с исцарапанными руками и коленками. Они дружили с такими же худенькими вихрастыми и мечтательными мальчиками.

Кроме того, что Инга никогда не была худенькой и голенастой, она никогда не встречала этих мечтательных мальчиков. Одноклассники только и умели, что толкнуть, хлопнуть по спине портфелем или дёрнуть за косу. А то, что они постоянно списывали у неё домашние и контрольные, вселяло в Ингу уверенность в их непроходимой тупости. Конечно, с годами она поняла, что красивые успешные по большей части мужчины, в которых выросли спутники её детства, просто сэкономили на учёбе силы для своих важных мальчишеских дел. Теперь они

были умны и интересны, Инга поддерживала со многими из них дружеские отношения. Но та закомплексованная девочка до сих пор жила в самой глубине её сердца.

Она нерешительно открыла альбом. Маленькая Инга сидела на стуле в пол оборота и внимательно, улыбаясь, смотрела на большую Ингу «карими вишнями». Белое льняное платье и необычайно красивый шелковый бант, примостившийся на тёмных кудрях, привезла любимая тётка. На фотографии Инге было чуть больше, чем сегодняшнему малышу из банка. И ведь она тогда тоже знала секрет счастья.

Ингу пронзила острая жалость к этой девочке, которой так много предстояло постигнуть и пережить. Как хотелось уберечь её, защитить, сохранить на дорогом лице нежную счастливую улыбку.

Слёзы подступили к глазам, и она не стала их сдерживать. Инга плакала и плакала без душасших рыданий, без искажённого до безобразия лица, без давящей боли в сердце. Слёзы текли легко и свободно, как будто сосуд переполнился, и надо было просто слить лишнее. Когда они закончились, Инга умылась и, решительно задвинув в шкаф остатки документов и фотографий, пошла спать.

Голова казалась опустошённой. На самом дне ещё плескались остатки боли, но теперь всё воспринималось, как сквозь толщу воды или очень толстое и мутное стекло.

Инга почувствовала, как по ней идут мягкие робкие лапки. В темноте лениво проворчала кошка. Почти невесомый комочек устроился на плече и начал усердно вылизывать своим шершавым языком шею Инге. При этом он благодарно урчал ей в ухо, рассказывая на своём кошачьем языке, как он благодарен своей спасительнице, и как счастливо они будут все вместе дальше жить.

IV

Утро встретило Ингу необычно ярким светом, заливающим комнату. Она легко поднялась, сдвинув с ног, мирно сопящих в обнимку, вчерашних врагов, и подошла к окну. После почти месяца слякоти и жидкой грязи выпал первый снег. Белый, первозданно чистый, он ещё не был тронут ни машинами, ни пешеходами, ни даже птицами. Инга приоткрыла окно, бодрящий морозный воздух пах свежестью и яблоками. Свет ложился медовыми полосами на кресло, ковер, постель, протягивался на стену. Инга внезапно отметила себе, как уютно и с любовью устроено её жилище. Как много в нём света и тепла.

Она отправилась в ванну, пустила воду в раковину, плеснула себе в лицо и взгляделась в своё отражение. Веки, конечно же, после вчерашнего слёзотечения опухли. Но из зазеркалья на неё смотрели такие же, как на старой фотографии карие вишни. И такие же вечно кудрявые тёмные кудри обрамляли лицо.

– Доброе утро, кудрявое чудовище! – весело поприветствовала она сама себя.

День сегодня определённо задался. Голова к удивлению совершенно не болела, как Инга не прислушивалась. Кофе был необычайно вкусным. Два представителя семейства кошачьих нашли компромисс в отношениях, заняв противоположные углы на кухне. Цезарь, казалось, даже уже немного поправился, но вальяжности приобрёл совершенно точно. А навсегда любимый дуэт Никитиных пел из динамика:

«Нет лет, нет лет, нет лет...» —
Вот, что звенит, как будто пригоршня монет,
В кармане космоса дырявом горсть планет,
Вот, что гремят не унывая,
Все недобитые трамваи,
Вот, что ребячий пруттик пишет на песке.

Книжка, купленная по случаю оказалась неожиданно интересной, и Инга решила сегодня целый день провести с ней в постели.

Ближе к обеду, её вытащил из нирваны звонок в дверь. Это вернулся Андрей. Он стоял на лестничной площадке элегантно, как всегда, милый и родной. В руках у него был огромный букет лилий.

– Дорогая, я виноват! Ты даже не представляешь, что со мной произошло!

Не называет меня по имени, боится ошибиться, – машинально отметила про себя Инга.

Она прислушивалась к своему внутреннему состоянию и с удивлением поняла, что совершенно спокойна.

Небольшую паузу Андрей воспринял, как колебания жены и перешёл в наступление.

– Ты мнепустишь, или мы будем говорить на лестнице?

Инга молча посторонилась.

– Как вкусно пахнет кофе, я голодный, как волк! – Андрей уже разулся и прошёл на кухню.

– А что, там не кормят? – стараясь оставаться спокойной, спросила Инга.

– Где там?

– Ну, не знаю... Там, где ты был.

– И где я, по-твоему, был? – начал заводится Андрей. Он был обескуражен реакцией жены. Он ждал слёз, упреков, даже скандала, но к этому ледяному спокойствию он просто не был готов.

– А это что за урод? – Андрей внезапно переключился на нового жильца.

– Это не урод, это Цезарь, – твёрдо сказала Инга.

– Цезарь! Какой из него Цезарь! Глиста какая-то! – он брезгливо отпихнул ногой любопытного котёнка: И где ты его взяла?

– Вчера на улице, около магазина, – Инга подхватила пушистый комочек и тот сразу преданно замурчал.

– С каких пор ты начала подбирать на улице бездомных котов? – Андрей попытался вложить в эту фразу максимум сарказма.

– С тех пор как избавилась от одного бездомного мужика! – Инга сама удивлялась, что всё ещё не потеряла спокойствия.

– В каком смысле избавилась? Ты о чём? – Андрей изобразил искреннее недоумение.

– Но ведь ты сам ушёл, разве не так?

– Постой, как ушёл? Я просто задержался... У меня были проблемы... Надо было срочно встретиться кое с кем... По работе... Это было очень важно... Мы увлеклись...

Тут Андрей решительно подошёл к ней и обнял своими сильными родными руками. Её накрыл навсегда милый запах и тепло его натренированного крепкого тела. Она невольно судорожно выдохнула и прильнула к нему, заняв привычную уютную позу. Казалось, что он окутал Ингу, спрятал от неё самой, от долгих мучительных переживаний. Вот сейчас он всё объяснит, он умный, он найдёт слова, которым она уже готова была поверить.

– Крыска, – он нежно гладил её по голове, – Ты должна мне верить. Ты ведь знаешь, как дорога мне. Мы заканчивали проект, было очень много работы, я просто не мог вырваться.

Но Инга его уже не слушала, она как замороженная смотрела на тумбочку под зеркалом в прихожей, на которой возлежали белым сугробом ЛИЛИИ. Ей показалось, что вся её боль, обида, унижение трёх последних бесконечных дней сконцентрировались в этих злосчастных цветах. Они пахли обманом и предательством.

Инга высвободилась из рук Андрея, подошла к тумбочке, осторожно взяла цветы и на вытянутой руке, стараясь глубоко не дышать, понесла их к окну.

Андрей истолковал это по-своему.

– Я тут подумал, что сегодня как раз год, восемь месяцев и четыре дня, как я сделал тебе предложение, – Он заметно повеселел, – Такую круглую дату нельзя забывать, как ты считаешь? Мне кажется, мы уже готовы подумать о маленьком, дорогая?

– Ты забыл, как меня зовут, дорогой? – Инга открыла свободной рукой фрамугу окна. Мгновение и лилии совершили головокружительный полёт. Приземлившись, цветы слились со свежим снегом и как бы растворились на его белом фоне. Видны оставались только как будто обезглавленные крепкие зелёные стебли. Морозный воздух ворвался в комнату и вытеснил стойкий запах лилий. Когда стало уже ощутимо зябко, Инга захлопнула окно и повернулась к Андрею.

– Вот и всё! Как будто ничего не было... А ничего и не было! Это был сон, мираж, наваждение от одуряющего аромата лилий.

– Я осёл, дурак конченный! – Андрей с досадой хлопнул себя по лбу, – Ты ведь говорила, что не переносишь этих долбанных лилий! Я забыл... я сейчас всё исправлю... Подожди, дорогая... Инга, прости, я розы... сейчас, только...

Андрей торопливо одевался.

– Не надо, Андрей! Уже не надо! – что-то в её голосе остановило его. Он знал что сказать и сделать, когда она переживала и плакала, он умел её успокоить и убедить в чём угодно. Но новая Инга была для него совершенно непостижима.

– Помоги мне, я не знаю, что теперь говорить, – взмолился Андрей.

Инга удивлённо посмотрела на него.

– Я могу только помочь собрать твои вещи.

Инга достала с антресолей большую сумку и начала аккуратно укладывать туда одежду Андрея.

– Неужели всё так глупо и бездарно закончится, как в плохом фильме?

– Ты написал сценарий к этому фильму.

– Но ты сама виновата, я задыхаюсь с тобой! – Андрей умело заводил себя, – У тебя всё по полочкам, всё по правилам, я не могу так, мне надо свободы, дерзости, непредсказуемости!

– И это всё теперь у тебя есть, – Инга не изменила спокойного тона.

– Я понял, ты очень обиделась, – Андрей внезапно успокоился, – И ты имеешь на это право. Я повёл себя как скотина! Ты решила проучить меня. Правильно! Я всё осознал! Я тебе верю, ты действительно готова была выгнать меня!

– Не надо, не верь! Я выгоняю тебя! – Инга положила в сумку сверху, собранную вчера папку с документами Андрея и закрыла молнию.

– Ведь ты пожалеешь об этом!

– Конечно, пожалею, дорогой! Мне будет больно, но эта боль постепенно утихнет, раны начнут заживать и ты никогда больше разбередишь их.

– Ты останешься одна!

– Возможно, но я перестану бояться и ждать предательства.

– Кому ты будешь нужна, собирательница кошек с помойки! – эту фразу Андрей выкрикнул, уже выходя из дверей.

Инга закрыла за ним дверь, и устало прислонилась к ней. В голове навязчиво крутилась фраза из любимой песни.

«Нет бед, нет бед, бед нет» —

Вот что кузнечики стрекочут нам в ответ...

Осознав, что подправила гения, она совсем не расстроилась:

– Так даже лучше. Мне лучше.

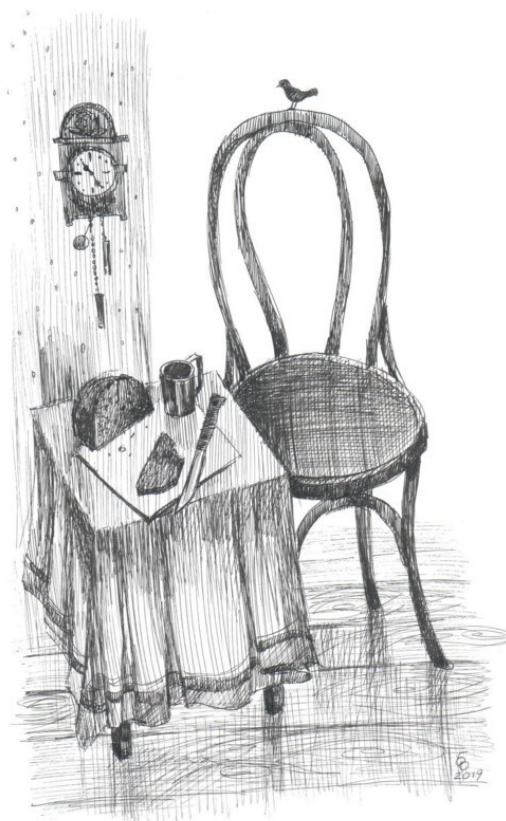
Прямо напротив в полумраке прихожей серебром светилось зеркало. Инга вдруг остро вспомнила последний злобный выкрик Андрея:

– Кому ты будешь нужна!

Она спокойно осмотрела всю себя в зеркале и прямо «карим вишням» тихо сказала:

– А вот и есть кому...

ТАНЬКА

I

Танька умирала. Она лежала на своей узенькой кроватке у окна уже полгода и ждала смерть. Худенькая, жилистая, за свою долгую жизнь она ничем серьёзно не болела, её просто покинуло желание жить.

Мир сузился сначала до размеров домашнего хозяйства. Она перестала выходить за ворота, потому что на родной с детства улице не встречала больше ни одного знакомого лица. Да и сама эта улица изменилась до неузнаваемости. Невесть откуда на ней выросли каменные дома, резные наличники заменили пластиковые стеклопакеты, а цветущие палисадники замуровали глухими заборами.

Потом во дворе ей тоже стало скучно. Дочь и внучка успевали несколько раз обернуться с делами, пока она только собиралась задать корм курам.

Все вокруг постоянно куда-то спешили. Им было не до долгих обстоятельных разговоров, которые хотелось вести Таньке. Её сознание не поспевало за их быстрой речью, новыми непонятными словами, и она перестала их слушать. Родные решили, что у неё проблемы со слухом, и говорили с Танькой громко и отчётливо, как с сумасшедшей.

Еда потеряла вкус, и Танька ела, только если ей напоминали об этом.

Даже солнце, как будто потускнело, и больше не грело старые Танькины кости.

Танька ещё какое-то время бесцельно топталась по дому, переходя от окна к окну. Она неизменно останавливалась на пороге комнаты, не входя и не выходя, и, молча, наблюдала за домашними. А их ужасно раздражали и её молчаливое любопытство, и постоянное препят-

ствие на пути. Тогда Танька и решила лечь, чтобы никому больше не мешать. Но смерть не спешила за ней.

Дочь – сама уже пожилая женщина – ещё работала, силясь прокормить изрядно разросшуюся семью. Младшая внучка Олька, наконец, развелась со своим непутёвым мужем и вернулась в отчий дом, приведя с собой трёх ладных белоголовых пацанят-погодков. Пятое поколение семьи прочно обосновалось в стенах крепкого, построенного на века дома, наполнило его живой суетой и гомоном детских голосов. В Танькиной голове их лица смешались между собой, с лицами младших братьев и сыновей, когда-то таких же ладных и белоголовых. Она постоянно путала их, называя именами ещё живых или давно ушедших родственников. Для мальчишек это стало новой увлекательной игрой. Они нарочно спрашивали старую бабулю, как их зовут, а когда та в очередной раз ошибалась, шумно веселились. Танька замолкала и отворачивалась к стене. Маленьким озорникам доставались подзатыльники от матери или бабушки. Но это не помогало, и вскоре игра начиналась заново.

Радовали Таньку только сны. Всё теперь было там: детство, юность, молодой влюблённый муж, дети, подруги. Невзгоды и предательства за давностью лет забылись, затёрлись. Прожитые годы казались необыкновенно счастливыми, наполненными событиями и добрыми, понимающими людьми. Она погружалась в эти сны, путая их с явью. Реальная жизнь казалась серым бесконечным кошмаром, от которого только там можно было укрыться.

II

Дом отец построил перед самой войной. Танька хорошо запомнила тот день, когда он торжественно запустил в новые, пахнущие свежеструганным деревом сени, чёрного котёнка с жидким хвостиком. К слову сказать, этот задохлик вырос в красивую, полную достоинства кошку. Мурка оказалась умницей и отличной мышеловкой. Каждое утро она гордо демонстрировала на крыльце свой вклад в семейный бюджет – задавленную мышшь. Все попытки детей поиграть с ней она пресекала шипением или осторожным ударом лапой с втянутыми когтями. Но если вдруг хозяйка набрасывалась на своих провинившихся чад с руганью. Мурка громко мяукала и легонько кусала мать-кормилицу за ноги, заступаясь за сорванцов.

Отец очень любил единственную дочь, жалел, по возможности баловал. И всегда называл невзрачную русоволосую Таньку «своей красавицей». А она отвечала ему искренним теплом своего маленького, преданного сердца. Наверное, поэтому, провожая отца на фронт, она рыдала громче всех.

Отец перецеловал мальчишек, крепко прижал к груди жену.

– Берегите себя! Ждите!

Потом повернулся к дочери, легко поднял её и защекотал прокуренными усами в самое ухо:

– Не плачь Танька! Я обязательно вернусь!

Поставил дочь на землю и, отвернувшись, чтобы не размягчиться и не дай Бог пустить слезу, быстро побежал к ожидавшим машинам.

– Я ещё спляшу на твоей свадьбе! – последние слова он прокричал любимице из кузова, тронувшегося грузовика.

Третий младший брат родился, когда отца уже забрали на фронт.

Война добралась до их дома в конце октября. Она громко заявила о себе сначала грохотом тяжелых орудий, от которых они прятались в глубоком погребе за домом. Потом бесцеремонно встала на пороге группой шумных офицеров в серых добротных шинелях. Немцы расположились в доме, выселив хозяйку с детьми в сарай.

Они не были злыми эти чужие люди. На глазах у Таньки они героически расправились только с десятком кур, которые оставались в хозяйстве, пустив их на жаркое и суп. Впрочем,

жилистого петуха, они благородно отдали хозяйке, кормить детей. Рыжий веснушчатый фриц с выпирающим кадыком на тощей шее внимательно осматривал дом и постройки, одобрительно приговаривая: «Gut, sehr gut»¹. Иногда он даже брал в руки топор и колот дрова, желая размяться. Другой не старый, но уже седой пару раз передавал матери бутерброды с колбасой, покормить маленького, чтобы тот не кричал. Третий просто не замечал их существования, занимая своё свободное время чтением книг и написанием писем. Впрочем, иногда по вечерам Танька видела, как оставаясь один, он расхаживал по комнате и что-то громко ритмично говорил, помогая себе резкими и взмахами правой руки. Танька догадывалась, что это стихи. Но, поскольку, её школьного курса немецкого хватало только на «Ich heiÙe Tanka»², она не смогла понять, чьи они. Себе она придумала, что немец читает свои стихи. Впрочем, у неё не было времени особенно об этом заботиться.

Остальные слишком часто менялись, чтобы их запомнить. Одни отправлялись на передовую, другие ехали на короткий отдых в тыл.

Мать стирала немцам бельё, топила печь и мыла полы в доме. Работы было много. Незваные гости не обременяли себя заботой о чистоте, оставляя везде окурки, огрызки, ошметки грязи с сапог. Она вынуждена была брать с собой Таньку. Хотя той шёл уже четырнадцатый год, из-за своего малого роста и чрезвычайной худобы, она выглядела совсем ребёнком. Но мать всё равно, опасаясь взрослых мужиков, давно оторванных от дома и семьи, прятала худые Танькины ноги под длинными бесформенными юбками, и низко до самых бровей надвигала ей платок на лицо. К счастью, ни изработанная до черноты мать, ни дурнушка-дочь не вызвали похотливых желаний у постояльцев. Они скупно, но исправно платили за работу, обычно продуктами. Жестяные банки с консервами, брикеты галет и шоколад мать прятала. А из крупы варила кашу, изредка добавляя в неё кусочки мяса.

¹ Хорошо, очень хорошо – (нем.)

² Меня зовут Танька (нем.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.